

KII-1444243

"ICE KÖLIN, ICE NÄGIN"

Vepslāīžed sarnad

«САМ СЛЫШАЛ, САМ ВИДЕЛ»

Вепсские сказки

VEPSLĀIŽED SARNAD

ВЕПССКИЕ СКАЗКИ

82
c17

+1P

82.3 (2=Bentj)-442.06

Vepslāīžed sarnad

Sarnoiden kogomusen tegii O. Žukova

Pirdai A. Trifanova

**Petreskoī
VERSO 2012**

Венесские сказки

Составитель сборника сказок О. Жукова

Художник А. Трифанова

к № 1444243
Петрозаводск
VERSO 2012

Белогорская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Savesine poig

Eliba ukoine da akaine. Ei olend heil lapsid. Kerdan ištuba — uk länged kohendab, ak kezerdab da i sanub:

— Ukoine, a tehkam poig savespäi.

Mäniба savehe, saved kaivoiba, toiba pert'he. Tegiba savesižen prihaižen, paniba päče kuivamaha. Kuverz'-se aigad mäni, poig päčišpäi heikab:

— Tatoi, mamoi, avaikat päčilaud, minä jo kuivin.

Läksi päčišpäi lavale sangerič mugoinе.

— Mamoi, minä söda tahtoin, tatoi, minä söda tahtoin!

Andoiba hänele leibäd. Kaiken leibän hän sõi, vähä hänele völ-ki söda tahtoib. Sõi hän tatan, sõi maman, sõi länged, sõi kožlin, da i värtväärn sõi. Läksi hän külähä kävelmaha.

Putuiba hänele vastha mužikad vitakehidenke, hö astuiba nitmaha.

— Mužikad, minä tattain sõin dai mAMDAIN sõin, länged sõin, kožlin sõin, värtväärn sõin da i teid-ki sõn.

I sõi puzuvac kaikid. Läksi edemba. Astub, astub, tuliba hänele vastha akad haravoidenke.

— Akad, minä tattain sõin dai mAMDAIN sõin, länged sõin, kožlin sõin, värtväärn sõin, mužikoid sõin da i teid-ki sõn.

Oi, sinä, bröngvac! Akoid-ki kaikid sõi. Astub edemba, tuliba hänele prihad vastha taljankanke.

— Prihad, minä tattain sõin, dai mAMDAIN sõin, länged sõin, kožlin sõin, värtväärn sõin, mužikoid sõin, akoid sõin da i teid-ki sõn.

Глиняный сын

Жили старичок и старушка, а детей у них не было. Однажды сидят дома — старики хомут чинят, жена прядёт на прялке и говорит мужу:

— Давай сделаем сына из глины.

Пошли они за глиной, накопали, принесли домой. Сделали глиняного мальчика и поставили сушиться в печку. Через некоторое время сын кричит из печки:

— Отец, мать, откройте заслонку, я уже высох.

Вышел он из печки на пол, этакий толстяк.

— Мать, я есть хочу, отец, я есть хочу.

Дали ему хлеба. Он весь хлеб съел, да мало ему, ещё есть хочет. Тогда съел он отца, съел мать, съел хомут, съел прялку и даже веретено съел. Вышел на улицу и пошёл по деревне.

Навстречу ему идут мужики с косами сено косить.

— Мужики, я своего отца съел, свою мать съел, хомут съел, прялку съел, веретено съел и вас съем. И съел толстопузый их всех. Пошёл дальше. Шёл, шёл, навстречу попались женщины с граблями.

— Женщины, я своего отца съел, свою мать съел, хомут съел, прялку съел, веретено съел, мужиков съел и вас съем.

Ах, ты, толстобрюхий! Ведь всех женщин съел. Пошёл он дальше, навстречу парни с гармошкой.

— Парни, я отца съел, и мать съел, хомут съел, прялку съел, веретено съел, мужиков съел, женщин съел и вас съем.

Kaikid prihoid sõi nece savesine poig. Astub, astub, putuiba hänele neičced vastha.

— Neičced, minä tattain sõin dai mamdain sõin, länged sõin, kožlin sõin, värtän sõin, mužikoid sõin da akoid sõin, prihoid sõin da i teid-ki sõn.

Oti da i kaikid neičcid sõi nece bröngvac. Astub edemba, putui hänele bošak vastha.

— Bošak, minä sindai sõn. Minä tattain sõin dai mamdain sõin, länged sõin, kožlin sõin, värtän sõin, mužikoid sõin, akoid sõin, prihoid da neičcid sõin.

Bošak sanub savesižele poigale:

— Mäne, seižutade mägen alle, avaida su, a minä joksen mägelpäi i edelez sinei suhu hüppähtan.

Nece savesine poig muga i tegi. Mäni, seižutihe mägen alle, sun avaiži, a bošak mägelpäi joksi da sarvil vacha kut tučkaidab, nece savesine poig i mureni, savikogoks mäni. Kaik ristitud pazuiba vacaspäi, jäiba henghe.

И съел всех парней этот глиняный сын. Идет дальше, и встречаются ему девушки.

— Девушки, я отца съел, мать съел, хомут съел, прялку съел, веретено съел, мужиков съел, женщин съел, парней съел и вас съем.

Ведь всех девушек съел этот толстобрюхий. И пошёл дальше, а навстречу баран.

— Баран, я отца съел, мать съел, хомут съел, прялку съел, веретено съел, мужиков съел, женщин съел, парней съел, девушек съел и тебя съем.

Баран и говорит:

— А ты иди, под гору встань, рот открай, я с горы побегу и прямо тебе в рот запрыгну.

Этот глиняный парень так и сделал. Пошёл, встал по гору, рот открыл, а баран разбежался да как стукнет его рогами в живот. Этот глиняный сын и разбился, только черепки разлетелись. Все люди живые из него вышли.

Kut mužik jäi emägäks

Eliba mužik da ak. Mužikale zavid tegihe, miše ak kodihe jäb da kaik kodiradod ehtib tehta. Hän i sanub akale:

— Sinä kodiš oldes midä-ni magedad teged, söd da jod, da magadamha panetoi. Vot ajaižid kündmaha.

Homendesel ak nouzi i nevob mužikale:

— Härgiče void, sötä sigoid da čipuižid, tege murgin. A minä ajan kündmaha. Ak ajo i kündab murgn'ahasai.

Mužik libui, pani päčin lämhä. Murgn'ahasai pidi völ taigin sot'kta. Padaižen kandatesenke hän vöö sidoi i meletab: kuni jokselen, se iče härgičese-ki. Hän cipuižid pästi irdale, sid' i taigin päliči läksi. Kuni mužik joksi pert'he, tuli habuk i kaikid cipuižid sõi, ei ehtind mužik niid sötta-ki. Joksi irdale, — ka kandatez kaik valoihe lavale. Tuli ak:

— Ukoine, om-ik murgin vaumiž?

— Oi, akaine, nimidä ei ole vaumišt. Minä-ka enambad en jä emägäks, paremb iče sinä emägoite.

Как мужик остался за хозяйку

Ж

или муж да жена. Мужу стало завидно, что жена дома остаётся, и все домашние дела успевает сделать. Он и говорит жене:

— Ты, когда дома остаёшься, что-нибудь вкусное поешь и попьёшь, да спать ложишься. Вот поехала бы пахать в поле.

Утром жена встала и говорит мужу:

— Взбей масло, накорми свиней и цыплят да завтрак приготовь. А я поеду пахать.

Жена уехала и пашет до завтрака. Муж встал, затопил печь. Нужно было ему ещё и тесто замесить. Горшок со сметаной он к поясу привязал, подумал: пока я бегаю, оно само и взобьётся. Он цыплят выпустил на улицу, так тут тесто стало убегать. Пока мужик в дом бегал, прилетел ястреб и всех цыплят заклевал, не успел их мужик покормить. Бросился он на улицу, так сметана вся по полу разлилась.

Пришла жена:

— Муж, готов ли завтрак?

— Ой, жёнушка, ничего не готово. Я больше за хозяйку не останусь, уж лучше ты сама хозяйничай.

Taivaz lanksi

Kanaine kabičihe mas pinonno, kut ühtnägoi pino-se bahkaiži langeta. Pöl'gästui kanaine, ozutihe hänele, miše taivaz lanksi. Hän pagod, jokseb i varaidab. Vasttihe hänele kukoi.

- Ku-ki-lau-lu! Kuna kana joksed?
 - Kut-kuna, kut-kuna! Joksen, kukohut, taivaz lanksi.
 - Ken sinei sanui?
 - Iče kulin, iče nägin.
 - Ota i mindai kerdale.
 - Jokskam tägapääi.
- Jokseba, jokseba, vasttihe heile kaži.
- Näu, näu. Kuna tō jokset?
 - Joksem, ka taivaz lanksi, — sanub kukoi.
 - A ken sinei sanui?
 - Kanaine sanui.
 - A kanaižele ken sanui?
 - Kanaine iče kuli, iče nägi.
 - Jokskam!

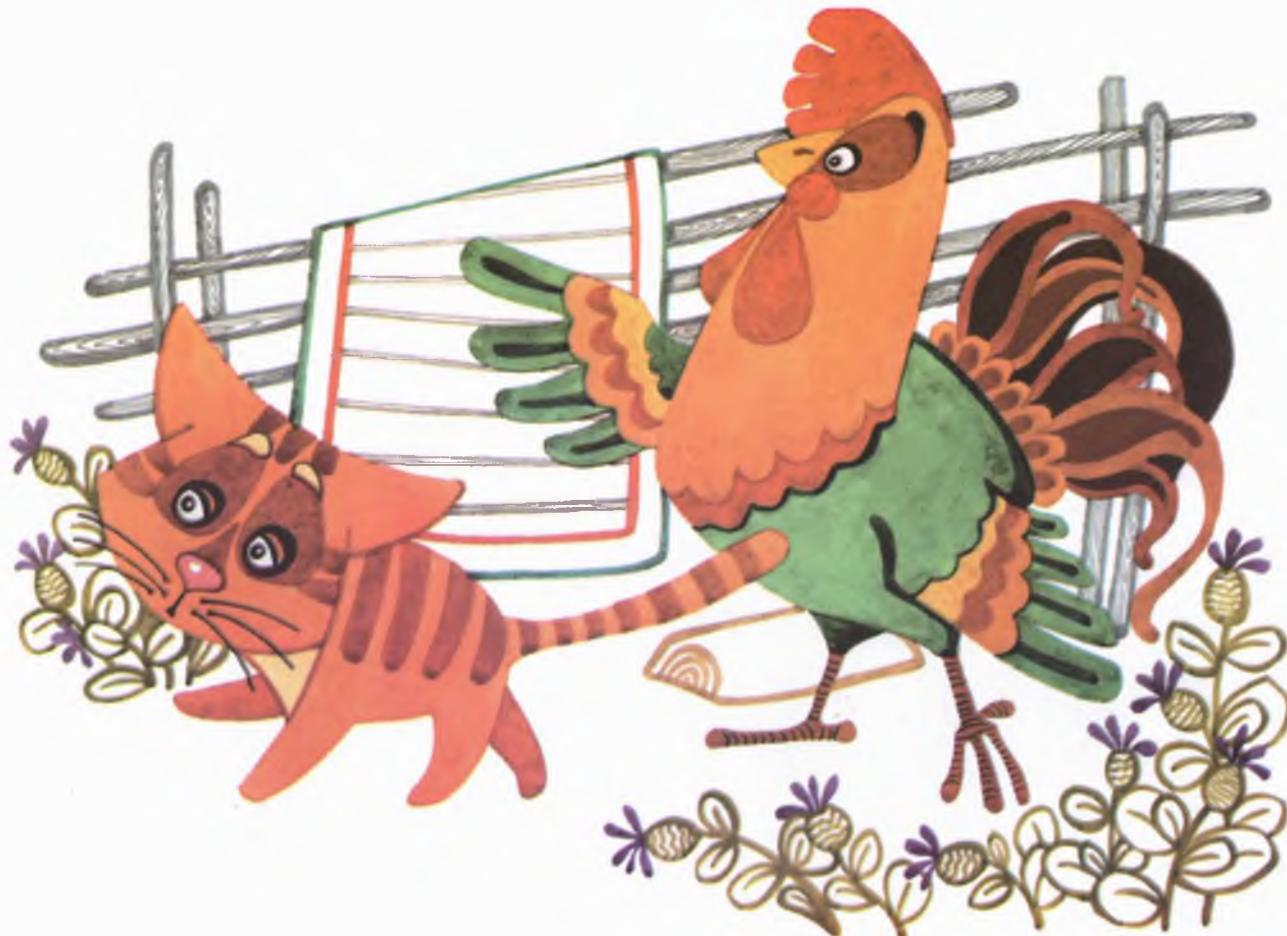
Небо упало

Курица копошилась в земле рядом с поленницей, поленница взъярилась и упали. Испугалась курочки, ей показалось, что это небо упало. Она от страха бежать. Навстречу ей петух.

- Ку-ка-ре-ку, куда, курица, бежишь?
- Как куда, как куда, петушок, ведь небо упало.
- Кто тебе сказал?
- Сама слышала, сама видела.
- Возьми меня с собой.
- Бежим отсюда.

Бегут вместе. Навстречу им кот.

- Мяу, мяу, куда вы бежите?
- Бежим, ведь небо упало, — говорит петух.
- А кто тебе сказал?
- Курочка сказала.
- А курочке кто сказал?
- Курочка сама слышала, сама видела.
- Бежим!

Heile vastha barbikospäi jäniš hüppähti.

— Pa-pa-pa! Pa-pa-pa! Kuna tö jokset? Miččehe agjaha?

— Joksem, taivaz lanksi, — sanub kaži.

— A kažile ken sanui?

— Kukoi sanui.

— Kukoile ken sanui?

— Kanaine sanui.

— A kanale ken sanui?

— Kanaine iče kuli, iče nägi.

— Oi-hoi-hoi! Otkat i mindai kerdale.

Jokskam! Vastha heile reboi.

— Gam, gam! Kuna tö jokset, kuna rigehtit? — küzub reboi, iče tarkašti kacub kaikihe.

— Joksem, taivaz lanksi, — sanub jäniš.

— Ken sinei sanui?

— Kaži sanui.

— Kažile ken sanui?

— Kukoi sanui.

— Kukoile ken sanui?

— Kanaine sanui.

— Kanaiželete ken sanui?

— Kanaine iče kuli, iče nägi.

— Otkat i mindai kerdale.

— Jokskam!

К ним навстречу заяц выпрыгнул из кустов.

— Па-па-па! Па-па-па! Куда бежите? В какую сторону?

— Бежим, ведь небо упало, — говорит кот.

— А коту кто сказал?

— Петух сказал.

— Петуху кто сказал?

— Курочка сказала.

— А курочке кто сказал?

— Курочка сама слышала, сама видела.

— Ой-ой-ой, возьмите и меня с собой.

— Бежим!

Встретилась им лиса.

— Гам-гам! Куда вы бежите, куда спешите? — спрашивает лиса, сама на всех поглядывает.

— Бежим потому, что небо упало, — говорит заяц.

— Кто тебе сказал?

— Кот сказал.

— Кто коту сказал?

— Петух сказал.

— Петуху кто сказал?

— Курочка сказала.

— А курочке кто сказал?

— Курочка сама слышала, сама видела.

— Возьмите и меня с собой.

— Бежим!

Reboi-ki heidenke joksmaha. Joksiba, joksiba, vasttihe heile hahk händikaz, hambhil kidžeidab.

- Geu-uu! Geu-uu! Kuna tö jokset?
- Joksem, taivaz lanksi, — sanub reboi.
- Ken sanui?
- Jäniš.
- Jänišale ken?
- Kaži.
- Kažile ken?
- Kukoi.
- Kukoile ken?
- Kukoile sanui kanaine.
- Kanaizele ken sanui?
- Kanaine iče kuli, iče nägi.
- Otkat i mindai kerdale.
- Jokskam!

Joksiba, joksiba, vastha heile kondi.

— Goum-goum. Kuna tö ninga jokset, kuna tö rigehtit? — küzub kondi händikalal, a iče märaidab da penil sil'mäižil kaclese.

- Ka, kacu, joksem, taivaz lanksi.
- Kut voi taivaz langeta? Ken sanui?
- Reboi sanui.
- A rebole ken sanui?
- Jäniš sanui.
- A jänišale ken sanui?
- Kaži, a kažile kukoi.
- A kukoile ken sanui?
- Kukoile kana, a kana iče kuli, iče nägi.
- Otkat i mindai kerdale.
- Jokskam!

И лиса с ними побежала. Бегут, бегут, навстречу серый волк. Идёт, скалится.

— Геу-геу, куда вы бежите?

— Небо упало, — говорит лиса.

— Кто сказал?

— Заяц.

— Зайцу кто сказал?

— Кот.

— Коту кто?

— Петух.

— Петуху кто?

— Петуху сказала курочка.

— А курочке кто сказал?

— Курочка сама слышала, сама видела.

— Возьмите и меня с собой.

— Бежим!

Бегут, бегут, навстречу им медведь.

— Гоум-гоум. Куда вы так бежите, куда спешите? — спрашивает медведь у волка, а сам рычит да маленькими глазками поглядывает.

— Так ведь небо упало.

— Как может небо упасть? Кто сказал?

— Лиса сказала.

— А лисе кто сказал?

— Заяц сказал?

— Зайцу кто сказал?

— Кот, а коту петух.

— А петуху кто сказал?

— А петуху, курица, а курица сама слышала, сама видела.

— Возьмите и меня с собой.

— Бежим!

Kändihe kondi ten polhe i joste kaikile jälg'he. Joksiba, joksiba da haudha i lanksiba. Ei voigoi libuda — haud süvä. Ištuiba, ištuiba, söda tahtoškanziba.

— Keda sõm? — küzuba živatad toine tošt.

— A sõgam se, kel om hondemb nimi. Lugeškanziba: kondi-londi — hüvää nimi, händi-kändi — hüvää nimi, reboi-keboi — hüvää nimi, jäniš-käniš — hüvää nimi, kaži-baži — hüvää nimi, kukoi-lukoi — hüvää nimi, kana-lana — hond nimi. Sõgam ezmäks kana. Kanaine kulišti i lendauzi haudaspäi.

— Keda sõm? Lugeškanziba: kondi-londi — hüvää nimi, händi-kändi — hüvää nimi, reboi-keboi — hüvää nimi, jäniš-käniš — hüvää nimi, kaži-baži — hüvää nimi, kukoi-lukoi — hond nimi. Sõgam kukoi.

Kulišti kukoi, mugažo lendauzi haudaspäi.

— Keda sõškandem? Kondi-londi — hüvää nimi, händi-kändi — hüvää nimi, reboi-keboi — hüvää nimi, jäniš-käniš — hüvää nimi, kaži-baži — hond nimi. Nu sõgam siloi kaži.

Kaži brik i hüppähti haudaspäi. A hänén jälg'he i jäniš. Jäiba haudha reboi, händikaz da kondi.

— Keda sõškandem?

— Händikahan, händikahan, — kidastab reboi. I söiba händikahan.

Jäiba reboi da kondi haudha vaiše kahten. Reboi sanub kondjale:

— Libu kahtele käpšule, lähemba maseinäd, a minä kacuhtan mäneb-ik ken, kandab-ik midä-ni.

Kondi libui kahtele käpšule, ezmäižed ülähaks lendi. Areboile se i tariž oli. Reboi hüppähti kondjan ougile, hüppähti haudaspäi i pageni. I jäi haudha üksnäze kondi. Hän ištub da ičeze käpšun imeb. A hätken-ik ištuškandeb — en teda.

Повернулся медведь к дороге и бегом за всеми. Бежали, бежали и все в яму упали. Не могут выбраться, яма глубокая. Сидели, сидели, проголодались.

— Кого съедим, — спрашивают звери друг у друга.

— А съедим того, у кого имя хуже. Стали считать: «медведь» — хорошее имя, «волк» — хорошее имя, «лиса» — хорошее имя, «заяц» — хорошее имя, «кот» — хорошее имя, «петух» — хорошее имя, «курица» — плохое имя. Съедим сначала курицу.

Курочка услышала, да как выпорхнет из ямы.

— Кого съедим?

Стали считать: «медведь» — хорошее имя, «волк» — хорошее имя, «лиса» — хорошее имя, «заяц» — хорошее имя, «кот» — хорошее имя, «петух» — плохое имя. Съедим петуха.

Тот услышал и тоже выпорхнул из ямы.

— Кого съедим? Стали считать: «медведь» — хорошее имя, «волк» — хорошее имя, «лиса» — хорошее имя, «заяц» — хорошее имя, «кот» — плохое имя. Съедим тогда кота.

Кот — прыг — и выпрыгнул из ямы. А за ним и заяц выскоцил. Остались в яме лиса, волк и медведь.

— Кого съедим?

— Волка, волка, — закричала лиса. И съели волка. Остались лиса и медведь вдвоём в яме. Лиса и говорит медведю:

— Встань на задние лапы поближе к стене, а я посмотрю, не идёт ли там кто-нибудь, не несёт ли чего-нибудь.

Медведь встал на задние лапы, передние вверх поднял. А лисе это и нужно. Она запрыгнула медведю на спину, выпрыгнула из ямы и убежала. И остался в яме один медведь, он сидит и свою лапу сосёт, а долго ли будет сидеть, не знаю.

1444243

Kut poig kävvi līdnha ostmižihe

Ende eliba ukoine da akaine. Ukožel da akažel oli üks' poig. Kerdan mam oigenzi poigan lidnha ostmižihe.

Tuli poig lidnha, ajelese hebol da kacub, midä voiži ostta. Osti hän padaižid, osti šonad, osti lihad, osti leibād. Läksi hän tagaze kodihe. Ajoi, ajoi tedme. Nägišti — mec om čaptud, vaiše kandod seižuba. Azotihe hän kandoidenno, sanub:

— "Raukaižed, tö, kandožed, kaik tö olet šapkoita, päd oma teil kül'mnuded". Žal'l'oiči hän kandožid, pani padaižed niile pähā.

Ajab edemba. Ajoi, ajoi hän tedme. Nägeb, ka linduižed lendleškanzihe ümbri reges, sōda pakičeba. Poig sanub möst:

— "Raukaižed, linduižed, tö olet näl'ghižed." Oti hän šonan i kaiken viškaiži lumele, andoi linduižile. Edemba tuli hänele koir vastha. Nutab, nutab, nikus sijad ei ole. Priha sanub:

— "Raukaine, sinä, koir, i sinä oled näl'ghine." Žal'l'oiči hän koirad, andoi kaiken leibān koirale. Möst ajab edemba. Tuli hänele vastha reboi. Reboi kaclese, voib-ik prihan regespāi lihad vargastada. Priha nägišti reboin i sanub:

— "Raukaine sinä, reboi, i sinä oled näl'ghine." Taci kaiken lihan rebole.

Как сын ходил в город за покупками

Жили раньше старишок и старушка. У старишки со старушкой был один сын. Однажды мать отправила сына в город за покупками.

Сын приехал в город, ездит и смотрит, что можно купить. Купил он глиняные горшки, купил пшена, купил мяса, купил хлеба. Отправился обратно домой. Ехал, ехал по дороге, увидел, что лес вырублен, только пни стоят. Остановился он у пня и говорит:

— Бедненькие вы, пенёчки, все без шапок, головы у вас замёрзли.

Пожалел он пеньки и одел им шапки на головы. Едет дальше. Ехал, ехал по дороге, видит, птички закружили вокруг саней, поесть просят. Парень и говорит:

— Бедные птички, вы же голодные.

Взял он пшено и всё высыпал птичкам на снег. Дальше ему собака навстречу попалась. Лает, лает, никакого спасу нет. Парень и говорит:

— Бедная собака, и ты голодная.

Пожалел он собаку и отдал ей весь хлеб. Едет дальше, навстречу лиса. Приглядывается лисица — можно ли с саней мясо стащить. Парень увидел лису и говорит:

— Бедная лисичка, и ты голодная. И отдал он всё мясо лисе.

Tuli poig kodihe. Mam i küzub poigal:
— "Nu midä, poig, toid lidnaspäi?"
Poig starinoičeškanzi, midä hän oli ostnu:
"Ostin minä padoid, ostin minä šonad, ostin minä leibäd, ostin minä lihad.
Ajoin, ajoin tedme. Nägištin — ka kandod šapkoita seižuba, ani kül'mnuded.
Panin padaižed kandoile pähä. Edemba nägištin, miše linduižed oma näl'ghižed.
Viškaižin lumele kaiken šonan. Möst ajan. Tuli reboi vastha. Nägen, reboi peitlese,
tahtoib regespäi lihad vargastada. Näl'ghine om, rauk. Tacin kaiken lihan reboile."
Prihan mam käreganzi i sanui: "Enambad minä sindai lidnha en oigenda."

Приехал домой. Мать и спрашивает у сына:

— Ну, сын, что привёз из города?

Сын стал рассказывать, что купил в городе:

— Купил я горшки, купил я пшено, купил я хлеба, купил я мяса. Ехал, ехал по дороге, увидел — пни без шапок стоят совсем замёрзшие. Одел пням горшки на головы. Потом увидел, что птички голодные. Высыпал им на снег всё пшено. Дальше еду, навстречу лиса. Вижу, что прячется, хочет из саней мясо стащить. Голодная, бедняжка. Я отдал лисе всё мясо.

Мать парня рассердилась и сказала:

— Больше я тебя в город не отправлю.

Kondi i reboi

V

asttihe mecas kondi da reboi. Kondi i küzub:

— Nu, kut eläd, reboihut?

— Ka elän hüvin, näged kut sinun täht ičein händal tehuden pühkin i paukad en pakiče.

— Ka mitte völ pauk minuspäi otta, ku minä mecas olen kuti car', kaik varaidaba mindai. Ka miverz' väged minai om! — kitäse kondi.

I läksiba hö ühtes mecadme kävelmaha. Astuiba, astuiba i homaičiba muražmäton. Reboi i sanub.

— Kacu, kondi, kut murahaižed ičeze surčced kived kandišeba.

Kondi tarkašti kacuhti i homaiči, miše se om tozi. Tabazihe kondi surehe, hänen surččehe kivehe, kudamb sit'-žo läheli venui. Mokičihe kondi, no nikut ei voind kived leta. Reboi i sanub:

— Vot mitte sinä oled kondi, a sanuid, miše kaikid vägevamb oled.

Läksiba edemba. Vastha tuliba akad, kudambad astuiba sen'he. Akad vaiše nägištiba kondjan, kut zavodiba kidastada, kaluil iškta, baraband'a. Kondi pöl'gästui, da pagoho. Jokseb, jokseb, kukištelese pölgästusiš. Joksi da i lanksi mägen alle. A reboi peitihe pedajan taga i kacub, midä tegese.

Медведь и лиса

Повстречались в лесу медведь и лиса. Медведь спрашивает:

— Как поживаешь, лисонька?

— Да живу хорошо, видишь, как я для тебя своим хвостом тропинку вымела, и платы за это не прошу.

— Да какую же плату с меня брать, ведь я в лесу как царь, все меня боятся. Я такой сильный, — хвалится медведь.

И отправились они вместе по лесу гулять. Шли, шли и увидели муравейник. Лиса говорит:

— Медведь, смотри, как муравьи таскают камни величиной с себя.

Медведь внимательно посмотрел и увидел, что это так и есть. Схватился медведь за лежащий неподалёку большой, величиной с себя, камень. Мучался медведь, но никак не мог поднять камня. Лиса ему и говорит:

— Вот ты какой, медведь, а говорил, что самый сильный.

Пошли они дальше. Навстречу попались женщины, идущие за грибами. Они, как только увидали медведя, закричали, палками застучали, забаранили. Медведь испугался и бежать. Бежит, спотыкается от страха. Бежал, бежал и упал под гору. А лисица-то спряталась за сосну и глядит оттуда, что происходит.

Nagriž pertin pääl

E

nde eliba uk da ak. Heil oli vähä mad. Uk i sanub akale:

— Semekam nagrišt pertin päle.

Mäniba i semenziba. Jo toižel päiväl ak oigendab ukod kacmaha:

— Mäne, — sanub, — kacu, jogo meiden nagriž kazvaškanzi.

Uk kävui kacmaha i sanub:

— Nagriž om jo luzikan surtte. Toižel päiväl ak möst oigendab nagrišt kacmaha.

Uk pördihe i sanub:

— Nagriž om jo kaurigan surtte. Koumandel päiväl kävui kacmaha — ka nagriž oli jo seglan surtte. Tuli uk i sanub akale:

— Tariž homen mända nagrišt otmaha.

Nouziba hö i läksiba nagrišt otmaha. Uk libui pertin päle saumadme, a akan noral lendi. Otiba nagrhen, nühtiba, zavodiba lasktas pertin pälpäi. Uk laskihe, a ak tabazihe hänen sel'gha. Käded akal päzuiba i lanksi ak maha, rikohe, koli. Uk voiki, voiki, enamb voikijid ei ole. Läksi uk voikijid ecmähä.

Astui uk, astui, tuli jäniš vastha.

— Ukoine, kuna sinä astud?

— Ak koli, astun voikijid ecmähä.

— Ota mindai!

— Mahtad-ik sinä voikta?

— Mahtan.

— Kut voikad?

Uli, uli ukoštain,

Ali, ali akaštain,

Pehmdoid kolobaižid paštjaštain!

— Hüvin voikad, tule minunke.

Репа на крыше избы

Жили стариk со старухой. Земли у них было мало. Стариk и говорит старухе:

— Давай посадим репу на крышу дома.

Пошли и посадили. Уже на следующий день жена отправляет мужа посмотреть:

— Иди, говорит, посмотри, начала ли расти наша репа.

Муж сходил, посмотрел и говорит:

— Репа уже размером с ложку.

На другой день жена опять отправляет репу посмотреть. Стариk вернулся и говорит:

— Репа уже размером с хлебный каравай.

На третий день сходил посмотреть, так репа уже размером с решето была. Пришел муж и говорит жене:

— Завтра нужно идти репу снимать.

Встали они и отправились репу снимать. Стариk залез на крышу по углу дома, а старуху на верёвке поднял. Сняли они репу, выдергали и стали спускаться с крыши. Стариk спускался, а старуха схватилась за его спину. Руки у нее ослабли, старуха на землю и упала, убилась насмерть. Стариk плакал, плакал, больше оплакивающих нет. И пошёл стариk плакальщиц искать. Шёл стариk, шёл, навстречу заяц:

— Старичок, куда ты идёшь?

— Жена умерла, иду плакальщиц искать.

— Возьми меня.

— Умеешь ли ты плакать?

— Умею.

— А как ты плачешь?

Ули, ули старика,

Али, али старуху,

Мягких колобов стряпуху.

— Хорошо плачешь, пойдем со мной.

Astub uk edemba, tuli reboi vastha.

— Ukoine, kuna sinä astud?

— Ak koli, astun voikijid ecmähä.

— Ota mindai!

— Kut voikad?

Uli, uli ukoštain,

Ali, ali akaštain,

Pehmdoid kolobaižid pašjaštain!

— Hüvin voikad, tule minunke.

Astui uk, astui, tuli vastha händikaz.

— Edahaks-ik astud?

— Astun voikijid ecmähä.

— Ota mindai!

— A kut sinä voikad?

Uli, uli ukoštain,

Ali, ali akaštain,

Pehmdoid kolobaižid pašjaštain!

— Tule minunke. Möst astui, astui.

Kondi vastha tuli.

— Ukoine, kuna sinä astud?

— Ak koli, astun voikijid ecmähä.

— Ota mindai!

— Kut voikad?

Kondi voikaškanzi:

Uli, uli ukoštain,

Ali, ali akaštain,

Pehmdoid kolobaižid pašjaštain!

Tule i sinä-ki minunke. Mäniba kodihe.

Идёт старик дальше — навстречу лиса.

— Старичок, куда ты идёшь?

— Жена умерла, иду плакальщиц искать.

— Возьми меня.

— А как ты плачешь?

Ули, ули старика,

Али, али старуху,

Мягких колобов стряпуху.

— Хорошо плачешь, пойдём со мной.

Шёл старик, шёл, встретился ему волк.

— Далеко ли идёшь?

— Иду плакальщиц искать.

— Возьми меня!

— А как ты плачешь?

Ули, ули старика,

Али, али старуху,

Мягких колобов стряпуху.

— Пойдём со мной.

Идёт дальше, а навстречу медведь.

— Старичок, куда ты идёшь?

— Жена умерла, иду плакальщиц искать.

— Возьми меня.

— А как ты плачешь?

Медведь запричитал:

Ули, ули старика,

Али, али старуху,

Мягких колобов стряпуху.

— Пойдём и ты со мной.

— Kus sainaž ak?
— Ak aitas — sanub uk.
— Pästa meid-ki sinnä, a iče pert'he mäne.

Vähäine aigad mäni, uk i küzub:

— Äjak voikmiš?
— Äi völ — heiktas.

Pordon varasti, möst küzub:

— Äjak voikmiš?
— Völ pol' voikta.

Varasti uk, möst küzub:

— Äjak voikmiš?
— Vaumiž, avaida verai.

Uk verajan avaiži i nene kaik voikijad
pageniba. Kacub — ka akašt ei ole, vaiše
ühted luhuded, söiba akan. A nagriž muga
i jäi pertin päle otmata.

Пришли они домой.

— Где у тебя жена?

— Жена в амбаре, — говорит старик.

— Пусти и нас туда, а сам в дом ступай.

Немного времени прошло, старик и спрашивает:

— Сколько ещё вам оплакивать?

— Ещё много, — отвечают.

Какое-то время подождал старик и спрашивает:

— Сколько ещё оплакивать?

— Ещё половину нужно.

Подождал старик и снова спрашивает:

— Сколько осталось оплакивать?

— Всё, готово, открывай дверь.

Старик открыл дверь и все плакальщики убежали. Смотрит он, а жены и нет, одни косточки, съели её звери. А репа так и осталась на крыше, не собрана.

Laskav Maša

Ende eliba ukoine da akaine. Ukožel da akaižel oli kaks' tütar. Vanhembad tütar kuctihe Nastoi, norembad Maša. Nastoi oli lujas čoma neižne, no ei mahtand rata. Kaik päiväd hän ištui iknan veres, varasti ženihoid da čomitelihe zirklon edes. A Maša radoi homendespäi ümbri pääciš da živatoiš. Hän oli lujas laskav, kaik rahvaz navedi händast. Ei edahan heišpäi eli car'. Caril oli üks' poig. Tuli aig poigale naida. Vedeltihe hänennoks äi neičcid, miše poig valičiži ičeleze nevestan, no poig ei voind valita nikeda. Ei tulend ni üks' neižne hänele mel'he, i siloi poig sanui:

— Minä iče lähten ecmähä neidišt.

Sädihe hän pakičijaks, pani hondod sobad päle i läksi külidme. Äjiš pertiš hän oli, väzui käveltes, no ei voind nikut löuta neidišt, kudamb oliži mel'he. Tuli hän sen pertinnoks, kudambas eliba Nastoi da Mašoi. Nägišti Nastoin iknas i sanub:

— Sinä, oled čoma neižne, ed-ik to minei söda i joda. Minä olen lujas väzunu.

Nastoi sanub hänele vastha:

— Lähte tägäpäi, pakičii, en voi kaikid sötta da jotta, sinä ved' ed ole car'.

Ласковая Маша

Жили раньше старичок со старушкой. У старичка и старушки было две дочери. Старшую дочь звали Настой, младшую Маша. Настой была очень красивой девушкой, но совсем не умела работать. Все дни она просиживала у окна, ждала женихов да перед зеркалом прихорашивалась. А Маша работала с утра по дому и за животными приглядывала. Она была очень ласковая, все люди её любили.

Недалеко от них жил царь. У царя был один сын. Пришла пора сыну жениться. Привозили к нему много девушки, чтобы он выбрал себе невесту, но сын царя никого не мог выбрать. Ни одна девушка ему не понравилась. И тогда он сказал:

— Я сам пойду невесту искать.

Оделся царский сын нищим-попрошайкой, плохую одежду одел на себя и пошёл по деревням. Во многих домах он побывал, устал, пока ходил, но так и не мог найти девушку, которая ему понравилась бы. Наконец пришёл к дому, где жили Настой с Машей. Увидел он Настой в окне и говорит:

— Ты, красивая девушка, не принесёшь ли мне поесть и попить. Я очень устал.

Настой ему в ответ:

— Иди отсюда, попрошайка, не могу же я каждого накормить и напоить, ты ведь не царь.

Priha tahtoi jo lähtta, no heiden paginan kulišti Mašoi. Hän tuli irdale, oti pakičijan kädes i toi pert'he. Maša sōti, joti pakičijad.

Päliči kümnes päiväs heiden pertin kohtale seisutihе carin čoma korj. Carin poig tuli kozičemha Mašad. Nastoi joksi irdale voikunke, sikš ku hän om vanhemb i hänele ezmäks pidi lähtta mehele. Carin poig sanui:

— Sinä oled paha, minä otan mehele Mašan, hän om laskav.

Hän ištuti Mašan i hänen maman i tatan korjaha i läksiba hö carin pert'he elämaha, a Nastoi tähässai ištub iknanno i varastab ženihoid.

Парень хотел уже уходить, но их разговор услышала Маша. Она вышла на улицу, взяла нищего за руку и привела в дом. Маша накормила, напоила его.

Дней через десять около их дома остановилась красивая царская карета. Царевич приехал сватать Машу. Настой выбежала на улицу с плачем, ведь она старше, и ей первой надо было выходить замуж. Царский сын и говорит Настой:

— Ты злая, я возьму замуж Машу, она ласковая.

Усадил он Машу и её мать и отца в карету и отправились они в царские хоромы жить, а Настой до сих пор сидит у окна, женихов ждет.

Kurged

htel mužikal oli semetud herneht son röunal. Hargniba sinnä kurged kävuskelda herneht sömha. Mäni mužik kacmaha, midä tehta kurgile. Mužik pani sinnä rihmoid, tegi habaspäi kartaižen da neche kartaižehe vinad valoi. Tuliba kurged, herneht söiba, kartaižespäi vinad joiba, humalzuiba i veriba. Homendesel mužik mäni, kacub kurged venuba. Oti i ühthe norha sidoi kurgid, a noran ičeleze vöhö sidoi, nügünd ei pagekoi. Iče kohtule veri da herneht sōb. Sōi, sōi, kurgil humal lähteškanzi, hö libuškanziba, suugil ropsutaškanziba. Kurged libuiba, da i mužikan zavodiba leta. Kurged lendaba järves päliči, mužik surmhasai varaidab — nügünd sordaba. Kurged lendaba joges päliči, mecas päliči. Mužik meletab: en teda kuna nügünd i vedas.

Lendaba, lendaba, mužik nägeb — edes so. Necile sole kurged garblod sömhä i laskeškanzihe. Hillästi laskesoī. Mužik kut höpsahtab da pol'vhesai soho i putui. Midä nügünd tehta? Külä edahan, seičeme virstad. Da ei midä tehta — joksi sinnä, pakiči labidon. Tuli tagaze, jaugad kaivoi da kodihe mäni.

Журавли

У одного мужика был посеян горох на краю болота. И стали туда журавли наведываться, горох есть. Мужик пошёл посмотреть, не знает, что с журавлями делать. Он поставил силки, смастерили из осины корытце и в это корытце вина налил. Журавли прилетели, горох поклевали, из корытца вина попили, опьяняли и улеглись спать. Утром мужик приходит, видит, журавли лежат. Привязал он их на одну верёвку, а верёвку себе к поясу завязал — теперь не улетят. Сам на живот лег, решил гороха поесть. Ел, ел, а у журавлей хмель стал проходить, они начали взлетать, крыльями замахали. Журавли взлетели и мужика в воздух подняли. Летят над озером, мужик до смерти боится — а ну как уронят. Журавли летят над рекой, над лесом. Мужик думает: не знаю, куда унесут меня. Летят, летят, мужик видит впереди болото. На это болото журавли и стали садиться, клюквы поесть. Тихонько снижаются. Мужик как шлёпнется, и по колено в болото угодил. Что теперь делать? Деревня далеко, семь верст. Да делать нечего — сбежал туда, попросил лопату. Прибежал обратно, откопал свои ноги и пошёл домой.

Priha nägišti jänišan

Astui priha pöudodme, nägišti — ka jäniš pöudol ištub. Seižutihe priha i meletab:

— Minä rikon kivel necen jänišan i mön celkovijas. Nenile dengoile minä ostan sigan. Siga tob minei kaks'toštkümne porzašt. Ned kaks'toštkümne porzašt toba minei völ kaksintoštkümnin. Jäl'ges minä rikon nenid sigoid da mön. Sid' minä nain. Minai linneb kaks' poigad, Vas'oi da Van'oi. Poigad kazvaba i tuleb aig lähtta radole. Minä heile jäl'ghe i sanun: «Hei, Vas'oi da Van'oi!» — Da muga lujas heikahti, miše jäniš pöl'gästui i pageni, a priha muga i jää sinnä seižmaha.

Парень увидел зайца

Нёл парень по полю, видит — заяц на поле сидит. Остановился парень и думает:

— Этого зайца я камнем убью и продам его за целковый. На эти деньги я куплю свинью. Свинья принесёт мне двенадцать поросят. Эти двенадцать поросят принесут ещё по двенадцать. Тогда всех свиней я продам. И женюсь. У меня будет два сына — Ваня и Вася. Сыновья вырастут, и придёт время им на работу уходить. Я им вслед и крикну: — «Эй, Вася и Ваня!».

И так громко крикнул, что заяц услышал и убежал. А парень так и остался стоять на поле ни с чем.

Nor' ak

Mäni nor' neižne mehele i eläškanzi verhas kanzas. A kanzad ende oliba sured. Ühtes pertiš eliba tat, mam da heiden nel'l' poigad millidenke. Mužikad nouzeba aigoiš homendesel, söba murgint i lähteба radmaha pöudho da mecha. A akad kodiš emägoičese Nor' murz'ain hätken magadab. Kuni hän heraštub, kuni sobiše, pezese da zavodib pühktäs — ka mugoine märg käzipaik. I muga kaikuččel homendesel oli.

Kerdan mäni murz'ain sused-mamšižennoks besedale. A se i küzub hänel:

— Nu kut sinä eläd verhas kanzas? Abit't-as-ik sindai?

— Ka ei, mužik ei abidi, i anopenke kožum. Vaiše homendesel libun, ka käzipaik om kaiken märg.

— A konz libud-se?

— Anop' päčin lämhä peneb, vanhembad milläd libuba, a eskai i minä.

Mamšine hänele nevob:

— Kundle, kut tariž tehta. Homen sinä libu aigemba kaikid, pane päč lämhä da vaumiče murgin.

Nor' ak muga i tegi. Kanz heraštui, ka samvar om jo kehnu, i murgin stolal vaumiž.

— Kackat, mitte om meiden nor' emäg! — sanelibla kanznikad.

I käzipaik oli hänele kuiv pühktes. Siš aigaspäi openzihe nor' ak libuskelda homendesidme aigemba.

Молодая жена

Вышла молоденькая девушка замуж и стала жить в чужой семье. А семьи тогда были большие. В одном доме жили отец с матерью, их четверо сыновей с невестками. Мужчины встанут рано утром, позавтракают и отправляются на работу в поле или в лес. А женщины дома хозяйничают. Молодая невестка утром долго спит. Пока она проснётся, оденется, умоется, а вытирая лицо начнёт — так полотенце совсем мокрое. И так каждое утро.

Однажды пошла молодая невестка к соседке-старушке на беседу. Та и спрашивает:

— Ну, как ты живёшь в чужой семье, не обижают ли тебя?

— Да нет, — отвечает, — и муж не обижает, и со свекровью хорошо ладим. Вот только утром встану, а полотенце всегда мокрое.

— А когда ты встаёшь?

— Свекровь печь затопит, старшие невестки встанут, а потом уж и я.

Старушка ей и говорит:

— Слушай, я научу тебя, как быть. Завтра ты встань раньше всех, печку затопи да завтрак приготовь.

Молодая невестка так и сделала. Семья проснулась, так самовар уже вскипел, и завтрак на столе готов.

— Глянте, какова наша молодая хозяйка! — хвалила её семья. И полотенце для неё было сухое. С тех пор научилась молодая жена подниматься утром пораньше.

Saldat da mechine

Astui saldat tedme. Tuli külähä i pauksihe paimneks. Ezmäižel päiväl pästi hän lehmid, i emägad sanuiba hänele:

— Ala aja lehmid sole, ika mechine otab lehmän.

A saldat ei kundlend heid i ajo lehmid sole. Mechine tuli otmaha lehmäd, a paimen ei andand lehmäd mechizele. Siloi mechine sanui:

— Paukate, saldat, minei radnikaks.

Saldat sanui vastha:

— Paukamoi, vaisे lopin paimendusen i sügüzel tulen sinunnoks elämaha.

Mechine i läksi. Saldat lopi paimendusen sügüzel, sai paimenduses emägoilpää dengoid i läksi mechizennoks. Astui, astui i tuli mechizen pertinnoks i mäni pert'he. Mechine ištub laučal akanke i ičeze paginoid pagižeb. Saldat i sanui hänele:

— Tervhen, ižand!

Mechine mugažo vastha sanub:

— Tervhen!

Saldat ištuihe laučale, vähaižen ištui, a eskai panihe magadamha. Homendesel mechine aigoiš noustati radnikan i läksiba hö nitüd puhtastamha. Tuliba nitüle i zavodiba puhtastada. Mechine tabazihe puntüves i vedaškanzi. A radnik seižutihe punladvale i laskeb kidad:

— Veda! Veda! Veda hotkemba!

Muga mechine vedeli puid kogonaižen päivän. Kodiš hän sanub akale:

— Mitte radnik om putnu meile. Hän ei väzund, a minä ka habi kodihe tulin.

Солдат и леший

Шёл по дороге солдат. Пришёл в деревню и нанялся в пастухи. Выпустил он коров в первый день, хозяики ему и говорят:

— Не гони коров на болото, а то леший корову заберёт.

А солдат не послушал их и погнал коров на болото. Пришёл леший, чтобы корову забрать, но солдат не отдал ему корову. Тогда леший говорит:

— Солдат, наймись ко мне в работники.

Солдат в ответ:

— Наймусь, только закончу пасти и осенью перейду к тебе жить.

Леший и ушёл. Солдат закончил пасти осенью, получил за работу деньги у хозяек и отправился к лешему. Шёл, шёл и пришёл к дому лешего, зашёл в дом. Леший сидит на лавке с женой и свои разговоры разговаривает. Солдат и говорит:

— Здравствуй, хозяин!

Леший в ответ:

— Здравствуй!

Сел солдат на лавку, немного посидел и спать пошел. Рано утром леший разбудил работника, и отправились они пожню чистить. Пришли на пожню и стали чистить. Леший схватился за комель дерева и стал тащить. А работник встал на верхушку дерева и кричит:

— Тащи, тащи! Тащи быстрее!

Так леший таскал деревья целый день. Дома он говорит жене:

— Какой сильный работник нам попался. Он не устал, а я еле домой пришёл.

Toižel päiväl möst läksiba nitüd puhtastamha. Radnik sanui mechizele:

— Tämbei sinä veda ladvas, a minä tabadamoi tüves.

Mechine tabazihe ladvas i vedaškanzi. Radnik seižutihe tüvele i möst kidastab:

— Veda! Veda! Veda hotkemba!

Mechine vedeli, vedeli puid, eskai lankteškanzi maha, muga väzui. Läksi kodihe edel radnikad. Tuli i sanub akale:

— Necida radnikad tariž rikta, konz hän uindab.

A saldat seižui uksen taga i kaiken necen paginan kuli. Tuli pert'he, ištuihe laucale, pakiči söda. Söi i läksi magadamha. Pani hän humbren kravatile, katoi sobil, a iče kravatin alle peitihe. Öl hän kulišti, kut tuliba, mechizel kurik ougal, a akal kirvez kädes. Mechine iški mi väged kurikol i sanub akale:

— Nügud ka rikoin.

Homendesel radnik tuleb pert'he. Mechine muga pöl'gästui i küzub:

— Hüvin-ik magazid?

Radnik sanub:

— Hüvin, vaiše kesked öd kärbhaine näpišti.

Radnik läksi pertišpäi, a mechine sanub akale.

— Pašta pigemba nižunikoid da hernehnikoid, pane kašlihe, a kašal' pane pertedeshe.

A radnik i necen paginan kuli. Varasti hän vähäižen, sid' avaiži kašlin, ličohe sinnä i saupsihe. Mechine pani kašlin sel'gha, i hö akanke hillästi läksiba pertišpäi. A saldat kašlišpäi laskeb kidad:

— Tabakat, tabakat!

Ak sanub-ki:

— Jokse hotkemba, ei — ka tabadab da i rikob.

A saldat möst heikab:

— Tabakat!

Ak pöl'gästui i sanub mechizele:

— Taci kašal' pigemba!

Mechine i taci, a iče pagod. A saldat läksi kašlišpäi, oti hernehnikad i nižunikad, mäni mechizen pert'he i zavodi sigä eläda. A mechine muga i pageni.

На следующий день опять пошли пожни чистить. Работник говорит лешему:

— Сегодня ты тащи за верхушку, а я за комель схвачусь.

Леший схватился за вершину дерева и стал тащить. Работник встал на комель и опять кричит:

— Тащи, тащи! Тащи быстрее!

Леший таскал, таскал деревья, даже стал падать на землю, так устал. Ушёл домой раньше работника. Пришёл и говорит жене:

— Этого работника надо убить, когда он уснёт.

А солдат стоял за дверью и весь этот разговор слышал. Зашёл в дом, сел на лавку, попросил поесть. Поел и пошёл спать. Положил он ступу на кровать, накрыл одеждой, а сам под кровать спрятался. Ночью он услышал, как пришли — у лешего колотушка на плече, а у жены топор в руках. Леший ударил колотушкой что было сил и говорит жене:

— Теперь точно убил.

Утром работник заходит в дом. Леший так испугался и спрашивает:

— Хорошо ли ты спал?

Работник отвечает:

— Хорошо, только посреди ночи муха укусила.

Работник вышел из дома, а леший говорит жене:

— Напеки побыстрее пирожков, клади в кошель, а кошель поставь в коридор.

А работник и этот разговор слышал. Подождал немножко, открыл кошель, залез туда и закрылся. Леший надел кошель на спину, и они с женой потихоньку ушли из дома. А солдат из кошеля кричит:

— Ловите, ловите!

Жена говорит лешему:

— Беги быстрее, а то поймает и убьёт.

А солдат опять кричит:

— Ловите их!

Жена испугалась и говорит лешему:

— Бросай быстрей кошель!

Леший и бросил, а сам бежать. А солдат вышел из кошеля, взял пироги, пошёл в дом лешего и стал там жить. А леший так и убежал.

Süddimist

- Savesine poig **4**
Kut mužik jää emägäks **8**
Taivaz lanksi **10**
Kut poig kävui lidnha ostmižihe **18**
Kondi i reboi **22**
Nagriž pertin päl **24**
Laskav Maša **30**
Kurged **34**
Priha nägištì jānišan **36**
Nor' ak **38**
Saldat da mechine **40**

Содержание

- Глиняный сын **5**
Как мужик остался за хозяйку **9**
Небо упало **11**
Как сын ходил в город за покупками **19**
Медведь и лиса **23**
Репа на крыше избы **25**
Ласковая Маша **31**
Журавли **35**
Парень увидел зайца **37**
Молодая жена **39**
Солдат и леший **41**

"Iče kulin, Iče nägin"
Vepsläižed sarnad
«Сам слышал, сам видел»
Вепсские сказки

Подписано в печать 19.08.2011.
Печать офсетная. Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 5,12.
Тираж 315 экз. Заказ № 244.
ООО «Версо».
185031, г. Петрозаводск, наб. Варкауса, 1а.
Отпечатано в типографии ООО «Версо».

УДК 398.21
ББК 82.3(2Рус=Вепс)-442
С 17

A standard linear barcode is centered within a white rectangular area. Below the barcode, the numbers "9 785919 970316" are printed in a small, black, sans-serif font.

